

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ: ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

DOI: 10.17805/zpu.2021.4.4

Своеобразие эволюции человека в биосоциокультурном измерении

Е. А. ТУРИНЦЕВА

ИРКУТСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

В статье, носящей дискуссионный характер, представлена авторская концепция биосоциокультурной эволюции человека. Соотношение биологической и социокультурной эволюции определено автором с позиций производства человеком искусственного мира, куда входит создание искусственных вещей, идей (мыслеобразов) и отношений, культуры в целом.

Выявленные критерии искусственного мира включают: избыточность производства по сравнению с необходимым для выживания в природе (1), служение исключительно целям человека (2), разрушение без поддержки человека (3), включенность в конверсию биоценоза в равновесной коадаптации (4).

Искусственный мир может быть рассмотрен как продукт жизнедеятельности человека, как «неживой» в силу невозможности его самостоятельного воспроизводства и активного распространения, а также как искусственный и «неживой» в той мере, в которой он не согласован с другими членами биоценоза и не соответствует скорости их адаптаций. Своеобразие эволюции человека заключается в непрерывном процессе создания искусственного (неживого) мира живым человеком, при этом совершается переход от биологической к небиологической эволюции, но одновременно биологическая эволюция нашего вида продолжается — вещи, идеи и отношения, создаваемые человеком и являющиеся продуктами его жизнедеятельности, эволюционируют вместе с ним.

Ключевые слова: эволюция человека; социокультурная эволюция; биосоциология; искусственный мир; социокультурный процесс; социокультурные изменения; молодежь; биосоциология молодежи; биосоциальный субъект.

ВВЕДЕНИЕ

Эволюция человека в зависимости от социально-исторического контекста и политической конъюнктуры рассматривалась в широком диапазоне от полной аналогии со всеми другими животными (в органицизме и социал-дарвинизме) до отрицания какой-либо биологической эволюционной преемственности и фантастических измышлений о непосредственном участии в создании человека (или отдельных групп людей) бестелесных мифических существ, духов, богов или инопланетян.

Научные идеи эволюции человека в XX в. развивались в трех направлениях, и было сформировано три точки зрения:

1) социокультурный процесс представлялся как процесс свойственной исключительно человеку социокультурной эволюции, которая не только сформировала некие отличия человека, но и бесповоротно вырвала человека из мира природы. Таким образом, органическая эволюция человека дошла до некой черты, после чего началась исключительно культурная эволюция;

2) в эпоху культурной эволюции действие отбора и органическая эволюция не прекращались. Однако результаты культурной эволюции, которая протекает значительно быстрее, более заметны, чем результаты продолжающейся, но очень медленной, органической эволюции;

3) социокультурная и биологическая эволюция — это звенья одной цепи, взаимообусловленные процессы единой эволюции человека, суть которой составляет непрерывное взаимодействие между органической и культурной эволюцией.

Время от времени и сегодня у разных авторов оживают все три указанные точки зрения, вместе с тем во второй половине прошлого века возобладала третья. Так, известный биолог и эволюционист В. Грант утверждал, что «при любом изучении человечества правильнее рассматривать современного человека как продукт совместного действия органической и культурной эволюции, а те подлинно опознавательные признаки человека, которыми он отличается от животного, как продукт культурной эволюции» (Грант, 1991: 432). Оставался открытым для дискуссий вопрос о соотношении органической и культурной эволюции, о взаимовлиянии этих процессов, и многие исследователи на рубеже XX–XXI вв. рассматривали различные аспекты идеи коэволюции человека и природы.

В течение XX в. культурная эволюция представлялась как кумулятивный процесс, как непрерывное накопление и передача знания, альтернативная же точка зрения предполагала, что культурная эволюция является собой продукт конкуренции и борьбы между противостоящими одна другой социальными группами с различными культурами. Обобщая имеющиеся точки зрения на социальную эволюцию, Ж. Т. Тощенко отмечает также сосредоточенность авторов XIX–XX вв. на идее прогресса и определяет эволюцию общества «как форму развития общества, сущностью которой является количественное накопление прогрессивных изменений, подготавливающих качественные преобразования» (Тощенко, 2020: 18). Биология в осмыслении процесса социокультурной эволюции играла вспомогательную роль и рассматривалась как проявление биологического в телесных изменениях (например, увеличение объема мозга) или в действии поддерживающих конкуренцию инстинктивных программ, значимость которых для исследователей соответствовала вызовам времени (рефлексия по поводу мировых войн, борьба за обретение гендерного равенства), что выдвигало на первый план только две из них — половой инстинкт и агрессию. Ключевые концепции современных данному взгляду на культурную эволюцию междисциплинарных научных направлений — социобиологии, этологии, бихевиоризма и т. д. — отражают данную тенденцию.

В СССР, в условиях стремления общества в целом к высоким идеалам человеческого развития, морали и нравственности, принципиально невозможно было заявлять, что культурная эволюция представляет собой результат конкуренции различных социальных групп друг с другом. Значение имела только классовая борьба, но и она, как предполагалось классической интерпретацией марксизма, во-первых, не существовала на стадии первобытного коммунизма, во-вторых, должна была естественным образом сойти на нет при социализме. Войны объяснялись экономи-

ческими причинами и классовой борьбой, а гендерное равенство было достигнуто и узаконено еще в 1918 г. первыми декретами советской власти. Именно поэтому идея проявления биологических инстинктов в социокультурной эволюции (особенно полового инстинкта и агрессии) была не актуальна и не популярна в СССР. Хотя попытки делались и здесь. Так, например, теория антропогенеза Б. Ф. Поршнева содержала элемент агрессии «собственно людей» по отношению к «предковым формам». Эта агрессия, согласно Поршневу, дала начало истории человечества и ознаменовала точку окончания биологической эволюции, поскольку «собственно человек» (неоантроп) является (по Поршневу) существом не биологическим, а исключительно социальным (Поршнев, 2007). Тем не менее большее развитие в СССР получили соответствующие условиям идеи коэволюции человека и природы, а точнее — человека и биосферы, выводящие человечество на новый уровень разумного существования и гармонии с его биотическим окружением — к ноосфере, которая представлялась следующим этапом социокультурной эволюции. Основы изучения биосферы заложил академик В. И. Вернадский в опубликованной им в 1926 г. работе «Биосфера», где он наряду с другими положениями впервые обозначил также проблемы эволюции биосферы в целом, имея в виду совокупную эволюцию живых существ и биогеохимических связей между ними (Вернадский, 1926). В биологии, в продолжение идей В. И. Вернадского, В. И. Сукачевым была создана научная дисциплина, получившая название биогеоценологии и изучающая состояние и динамику отдельных биоценозов (многовидовых сообществ) в рамках условно ограниченных устойчивых биогеоценозов. Биогеоценология приоритетно развивалась в СССР и в теоретическом ключе, и в своих практических приложениях (например, геоботаника, лесоведение и т. д.), где понятие биогеоценоза как структурно-функциональной единицы биосферы и понятие биоценоза как структурно-функциональной единицы биогеоценоза были основными.

В приложении к человеку идею единой эволюции биосферы именно в понимании В. И. Вернадского (т. е. во взаимосвязи живого вещества планеты и планетарно-космического геохимического вещества) оригинально развил А. Н. Гумилев, предположивший, что эволюция человека идет по пути эволюции этносов, и внешним стимулом для нее является неизвестная науке, но улавливаемая историческим описанием природная энергия пассионарности. Он пишет: «...эволюция внутри вида *Homo sapiens* не прекратилась, хотя и приняла своеобразные формы, превратившись из филогенеза в этногенез», и далее: «...для возникновения нового этноса необходимо мощное усилие определенного числа людей... Способность к этой целенаправленной деятельности мы назвали пассионарностью и интерпретировали как флуктуацию “биохимической энергии живого вещества”, описанную В. И. Вернадским» (Гумилев, 2011: 11).

Вопросы эволюции биоценозов, биогеоценозов и биосферы рассматривались с разных точек зрения такими учеными, как Н. В. Тимофеев-Ресовский, А. Н. Тюрюканов, А. В. Яблоков, Н. В. Глотов, С. М. Разумовский, А. П. Расницын, В. В. Жерихин, А. С. Раутиан, и другими (Тюрюканов, Федоров, 1996). Однако изучение эволюции человека в составе биосферы Земли затрагивалось ими почти исключительно с точки зрения антропогенного экологического кризиса и «наступления человека на природу» с возможными трагическими для обоих последствиями. В более поздних работах данных ученых очень осторожно звучат слова осознания принципиальной неразрывности эволюции человека с эволюцией других живых

существ на планете в прошлом, настоящем и будущем. Но и тогда эволюция человека все-таки ставится особняком и рассматривается только в аналогиях к эволюции других живых существ. Так, известный палеонтолог и эволюционист В. В. Жерихин приходит к выводу: «...развитие социальных систем, успешно воспроизводящих собственную структуру (хотя и не через геном, а через обучение определенным навыкам, ценностям, нормам поведения и так далее) и спонтанно и непредсказуемо меняющихся благодаря изменениям “культурной наследственности”, в целом ближе к биологической, чем к детерминистской эволюции. Закономерности биологической и культурной эволюции должны во многом совпадать...» (Жерихин, 2003: 487).

В гуманитарном знании идеи коэволюции человека и биосферы во второй половине XX в. тесно связывались с проблемой надвигающегося экологического кризиса и возможного исчерпания ресурсов планеты в результате некомпенсированной деятельности человека. Характерно появление в 1990-х гг. различных исследовательских программ на стыке гуманитарных и естественно-научных дисциплин, учитывающих единство развития человека и природы (биосферы).

Еще одно направление осмысления эволюции человека родилось в рамках получившей развитие в XX в. общей теории систем, оперировавшей универсальным понятием системы, которое, как тогда казалось, позволяло привести к общему знаменателю все возможные структуры природы и общества, а также обеспечивало реализацию абсолютно объективного (и в этом смысле сугубо научного) подхода к описанию мира. В социологии эволюцию человека и общества с точки зрения общей теории систем фундаментально рассматривал Н. Луман в работе «Эволюция», опубликованной на русском языке в 2005 г. В этом труде автор пишет: «...общество — результат эволюции. <...> Какими бы неудовлетворительными не казались эволюционно-теоретические объяснения в их сравнении с логическими, научно-теоретическими и методологическими стандартами каузальных объяснений и прогноза, сегодня нам не известно никакой другой теории, которая могла бы объяснить выстраивание и воспроизводство структур социальной системы *общество*» (Луман, 2005: 4; курсив источника. — *Е. Т.*). Подход Н. Лумана интересен тем, что он фактически не разделял эволюцию природы и общества, поскольку и природные, и культурные эволюционирующие объекты представлялись им в универсальном качестве — в виде систем. «Эволюция» является третьей книгой многотомного труда Н. Лумана «Общество общества», над которым он работал с 1966 г. и выпустил в свет в 1997 г., незадолго до своей смерти. Работа Н. Лумана — это одна из последних попыток создать фундаментальную и всеобъемлющую теорию общества, которая уже и в самом своем начале (в 1966 г.) не соответствовала условиям современности, не говоря уже о 1990-х гг., когда время потребовало совершенно новых форм и подходов для описания и решения научных и социальных проблем. В описательном ключе и в форме обобщения естественно-научных идей эволюции Н. Луман проделал огромную работу. Однако, находясь в плену устаревшей на момент окончания книги (1990-е гг.) и не самой гибкой версии системно-функционалистского подхода и ошибочно, на наш взгляд, используя автопоэзис как опорную концепцию своей фундаментальной теории общества, суть эволюции культуры, так явно отличающейся от эволюции нашего биологического вида, он выразить не смог. Скорее правы авторы теории автопоэзиса — биологи Франциско Варела и Умберто Матурана (Матурана, Варела, 2001; Maturana, 1970), которые считали

автопоэзис прежде всего конструктивной особенностью живого в отличие от неживого и уверждали, что автопоэзис должен определяться всякий раз заново для каждой конкретной системы. Общество же, как суперсистема, состоящая из многочисленных подсистем и/или в целом собранная из разных элементов в разные системные конструкции (общество потребления, информационное общество, постиндустриальное общество и т. д.), не может быть определено однозначно и в целом как автопоэтическая система — т. е. живая в силу способности самовоспроизводить себя и свои элементы.

Сегодня гуманитарными науками практически не ставится фундаментальный вопрос о человеческом обществе в его цельности и об общем целеполагающем развитии человечества. Прогнозы даются в футурологии, дистопиях и антиутопиях, но не в социологии. При этом общая социологическая теория, отражающая возможности развития человечества в целом, на наш взгляд, необходима для понимания того, куда мы все вместе движемся, к какой катастрофе и как ее избежать, и в этой связи вопрос о создании общей теории тем актуальней, чем ближе ощущается общечеловеческий кризис. На настоящий момент в рамках биологической и социальной антропологии, этносоциологии, социоестественной истории и других дисциплин накоплен значительный массив данных, который может быть использован для основания общей теории человека и общества. Преодоление атавистических взглядов на человека как исключительно продукт культурой эволюции, как и преодоление обратной тенденции к поиску абсолютной биологичности в нем, становится задачей номер один для получения сбалансированной и продуктивной теории.

В социологии новое направление биосоциологии, развиваемое научной школой Московского гуманитарного университета, способствует актуальному и адекватному представлению человека и общества как неразрывных биосоциальных структур и процессов (Луков, 2014, 2018). Биосоциология, согласно определению Вал. А. Лукова, является «научной концепцией междисциплинарного характера, исходящей из неразрывной связи биологического и социального компонентов в жизни человека и человеческих сообществ (социальных общностей) и имеющей своим предметом те стороны социальной жизни, которые и на макроуровне, и на микроуровне человеческих взаимодействий непосредственно вытекают из биологической природы человека» (Луков, 2011: 319). В какой-то мере можно сказать, что биосоциология дает основания для сборки на ее фундаменте общей теории человека и общества, достаточной для прогнозирования особо опасных кризисных явлений и планирования путей выхода из кризисных состояний.

В. С. Степин в работе «О философских основаниях синергетики» пишет: «...сегодня развитие современной научной картины мира как формы синтеза достижений различных дисциплин протекает в русле идей глобального (универсального) эволюционизма. Он соединяет идеи эволюции и системного видения». И далее: «...трудности состоят в состыковке трех основных блоков картины мира — представлений о развитии неживой природы, живой природы и общества. Между ними существуют своего рода лакуны, требующие дополнительного анализа» (Степин: Электронный ресурс). Соглашаясь со Степиным и выбирая те же подходы, мы утверждаем, что в первую очередь для конструирования общей теории человека и общества необходимо выявление принципов, механизмов и особенностей биосоциокультурной эволюции человека.

*СООТНОШЕНИЕ БИОЛОГИЧЕСКОЙ И СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ЭВОЛЮЦИИ
ЧЕРЕЗ ПРОБЛЕМУ ИСКУССТВЕННОГО*

Мы предлагаем рассмотреть и определить соотношение биологической и социокультурной эволюции человека с позиций производства человеком искусственного мира (культуры) как основной биологической адаптации нашего вида, обеспечившей его выживание. На основе своих многолетних (но в большей части неопубликованных) размышлений о структуре биосоциальной реальности (Туринцева, Решетникова, 2015а, 2015b, 2016) мы пришли к выводу, что искусственный мир (культура) производится человеком в трех измерениях — это вещи, идеи (мыслемы) и отношения в количествах и в качестве, превосходящих элементарные жизнеобеспечивающие потребности нашего вида, и с этим связано определенное «выпадение» человека из общих эволюционных процессов живого вещества на планете, и в этом заключается суть социокультурной эволюции и специфика эволюции человека. «Перепроизводство» человеком искусственного мира связано, в свою очередь, с тем, что человек, в отличие от других живых существ, творит вещи, идеи и отношения, отталкиваясь не только от имеющейся объективной природной реальности и внутренних инстинктивных программ, но и от уже произведенного им искусственного мира (в силу возможности сохранения и передачи вещей, идей и отношений следующим поколениям людей), что многократно увеличивает скорость производства и общий объем искусственного мира, а также делает ключевой роль молодежи, рецепирующей искусственный мир, созданный предыдущими поколениями.

Первый вопрос, возникающий при обсуждении вышеуказанного тезиса, — что понимать под искусственностью? Традиционно считается искусственным все, что производится человеком, прежде всего вещи. Распространенной точкой зрения на развитие человеческой цивилизации стала идея прогресса именно в научно-техническом плане, как нарастающее производство человеком вещей и новых идей (знаний) рационального порядка. Однако очень многие животные также производят вещи. В. В. Жерихин пишет: «...предметы материальной культуры с биологической точки зрения представляют собой органы или системы органов человека, хотя и находящиеся вне его тела (экстрасоматические). Подобными органами обладают и многие другие животные... Особенностью человека является не само наличие экстрасоматических органов, а их разнообразие: они используются в самых различных целях... Кроме того, они могут быстро меняться в ходе культурной (в широком смысле слова) эволюции» (Жерихин, 2003: 487).

Значит ли это, что к искусственным вещам мы можем отнести не все вещи, а только те из них, которые разнообразно используются человеком и трансформированы в ходе культурной эволюции, т.е. являются по-настоящему человеческими? И где в таком случае искать критерий, который бы отделил одни вещи от других и зафиксировал происходящие с вещью эволюционные изменения, в результате которых вещь из состояния естественного (орган тела) переходит в состояние искусственное? Чем является, например, шкура ягуара, наброшенная на плечи вождя? Будь она утилитарна, можно было бы интерпретировать ее как орган тела, компенсирующий отсутствие шерсти, как естественную вещь. Брошенная на пол или просто со временем та же шкура ягуара постепенно сгниет и разложится (т.е. будет съедена микроорганизмами), включившись в естественный цикл биоценозов, что также указывает на ее естественность. Но в конкретный момент времени шку-

ра ягуара на плечах вождя конституирует вождя как такового, т. е. содержит исключительно человеческие смыслы и является, по сути, искусственной. В этом случае одна и та же вещь — шкура ягуара может быть как естественной, так и искусственной одновременно или последовательно. В этом примере мы видим переход из естественного состояния вещи в искусственное и обратно, что наводит на мысль о таком критерии искусственности, как несоответствие вещи нижнему уровню жизнеобеспечения. Шкура для тепла или как замена сгнившей шкуры для тепла новой входит в необходимые условия для жизнеобеспечения (как орган тела). Шкура для уточнения статуса в необходимые условия жизнеобеспечения (выживания в природе) не входит. Но человеку она тем не менее необходима. Она служит человеческим целям, а именно — структурирует социум, обозначая место конкретного человека в нем¹. То же происходит и в мире идей, и в мире отношений. Некоторые человеческие идеи и отношения очевидно избыточны по сравнению с необходимыми для выживания в природе — например, современное искусство или банковская система. Поэтому первым критерием для обозначения искусственности мы предлагаем считать несоответствие (избыточность) вещей, идей и отношений целям прямого жизнеобеспечения (выживания в природе).

Вторым критерием, исходя из того же примера, можно считать служение вещей, идей и отношений исключительно человеческим целям и для других живых существ в этом смысле неприемлемых, т. е. в этом смысле в природе не существующих, искусственных. Трудно представить себе ягуара, который бы носил на плечах шкуру вождя. Люди же могут позволить себе носить не только шкуру ягуара, но и шкуру вождя другого племени. Суть не в шкуре как таковой, а в том человеческом смысле, который вкладывается в ее ношение.

Еще один возможный критерий появляется, если рассматривать вещи как неорганические, а идеи и отношения как надорганические, т. е. небиологические (неживые) объекты или элементы эволюции системы Человек. В. С. Степин пишет: «...две взаимосвязанные компоненты материального существования человека (биологическое тело и “неорганическое тело Цивилизации”) образуют сложное и противоречивое целое. <...> Биологическая компонента является продуктом естественной эволюции биосферы, тогда как “неорганическое тело Цивилизации” возникает и развивается как искусственно сконструированная деятельностью человека линия эволюции природных объектов. По мере развития возникает дивергенция этих двух линий...» (Степин, 2011: 27). На первый взгляд данный критерий искусственности (искусственное = созданное человеком неживое) относится только к вещам. Однако некоторые созданные человеком идеи и отношения также могут перейти в состояние неживого, но, чтобы понять это, необходимо выявить принципиальные черты или характеристики живого и его отличия от неживого. Не углубляясь слишком далеко в эту тему в силу ограничения объема статьи, вспомним лишь, что главным отличием живого считается способность его к воспроизводству и активному распространению. Произведенные человеком вещи не могут воспроизводиться и активно распространяться самостоятельно. Так же как произведенные человеком идеи и отношения не могут самостоятельно воспроизводиться и активно распространяться. Но и вещи, и идеи, и отношения могут воспроизводиться и распространяться с помощью человека. То есть человек оживляет их. Без человека вещи, идеи и отношения, произведенные им, становятся неживыми абсолютно и могут только разрушаться. Здесь становится очевидно, что ошибка Н. Лумана в том,

что он рассматривает общество как автопоэтическую систему в целом, т. е. трактуя ее в целом как систему живую, тогда как на самом деле «живость» общества (точнее — современного общества) — это всего лишь имитация, суррогат живого. Другой пример — выведенные человеком сорта растений и породы животных очевидно живые, биологические, но при этом без человека породы не воспроизводятся и не распространяются активно, не имеют самостоятельного развития и могут только разрушаться. Поэтому более точным критерием для определения искусственности, на наш взгляд, будет не обозначение искусственного как создаваемого человеком неживого, а обозначение искусственного как создаваемых человеком вещей, идей и отношений, нуждающихся в его поддержке и без этой поддержки разрушающихся. Иначе говоря, созданный человеком искусственный мир является, по сути, не живым, но очень похожим по внешним признакам, суррогатом живого.

Посмотрим теперь еще на один вариант определения критериев искусственности — попробуем рассматривать все производимые человеком вещи, идеи и отношения как продукты жизнедеятельности человека. Как считает В. В. Жерихин, продукты жизнедеятельности всех видов могут быть включены в биоценоз на основании того, что их развитие можно представить как стадии перехода от одних форм к другим. Он пишет: «...можно и должно рассматривать с биологических позиций эволюцию биоценологических систем как совокупностей организмов и продуктов их жизнедеятельности...» (Жерихин, 2003: 488). Например, экскременты одних видов могут разлагаться другими, использоваться в таком состоянии для построения своих тел, т. е. экскременты переходят в форму тел тех видов, которые экскрементами питаются. В таком понимании экскременты вовсе не выпадают из цикла конверсии биоценоза, а становятся необходимым его элементом. Соответственно, вещи, идеи и отношения, производимые людьми, могут быть включены в конверсию биоценоза, а значит, должны использоваться не только человеком, но и другими членами биоты. Адаптация других живых членов биоценоза к человеку должна заключаться в достаточно быстрой реакции их на человеческие творения и способности быстро использовать эти творения в своих интересах. Мы можем констатировать еще один неочевидный и относительный критерий искусственности — искусственными являются все те вещи, идеи и отношения, которые не соответствуют «ожиданиям» других биологических видов, существующих в одном биоценозе с человеком, а этим биоценозом, по мнению Н. Н. Моисеева, является вся биосфера Земли (Моисеев, 1997). Относительным этот критерий является потому, что любая «неожиданность» со стороны человека с течением времени становится обыденной для членов биоценоза, они так или иначе осваивают появившийся новый ресурс в результате взаимной адаптации, что делает его естественным. Например, появляются микроорганизмы, потребляющие в пищу пластик, животные в зоопарках «играют» и «дружат» с людьми, принимая предложенные человеком отношения, что делает затруднительной или невозможной адаптацию этих животных в дикой природе, но в условиях зоопарка эти отношения естественны.

Впрочем, скорость коадаптации членов биоценоза и человека в последнее время не соответствует состоянию равновесия в биоценозе. Собственно, в этом кроется суть экологического кризиса. Человек сегодня производит такое количество искусственных вещей, идей и отношений, попутно напрямую уничтожая целые массивы биоценозов, уменьшая разнообразие и формируя на месте здоровых самовоспроизводящихся живых биоценозов временные сообщества, культивируемые ценозы

или случайно собранные группы, что другие члены биоты не успевают за ним². Парадокс заключается в том, что создаваемые человеком вещи выпадают из конверсии биоценозов в тот момент, когда эти модификации перестают быть согласованы с другими членами биоценоза, а получают согласование только внутри человеческих групповых форм — в семьях, племенах, этносах, армиях и т. д. Точно так же и мир человеческих идей, материализующийся в текстах всех видов, а сегодня еще и образно выраженный в виртуальном пространстве компьютерной, видео- и кинореальности, выпадает из цикла конверсии биоценозов. Другим членам биоценозов просто нечего предложить для компенсации и уравнивания человеческой адаптации, заключающейся в производстве, фиксировании на внешних источниках и передаче друг другу идей, чье количество, качество и разнообразие многократно превышают реальные потребности в идеях для жизнеобеспечения и освоения конкретных экологических ниш у любых других видов. Точно так же и человеческие отношения, материализованные в сложном устройстве общества, в политике, экономике, морали и нравственности, выпадают из цикла конверсии биоценозов, поскольку не согласуются с другими биотическими элементами, с их отношениями, устройством их групп, популяций и организации собственно биоценозов как устойчивых многовидовых сообществ. Организация и управление человека внутри своего вида излишни с точки зрения простого жизнеобеспечения и согласованного существования с другими видами в рамках биоценозов. Структура отношений человека на сегодняшний день настолько избыточна, что мы вовлекаем в свои отношения других членов биоценозов вне зависимости от их желания и согласия на такие отношения. Вспоминается, например, как много людей сегодня с почестями (по-человечески) хоронят своих собак и одевают их при жизни в курточки.

Следствием выпадения из циклов конверсии биоценозов является то, что развитый мир человеческих идей и отношений, взятый в своей совокупности, а также мир вещей, развивающихся в человеческих модификациях, не может эволюционировать так, как это делает все живое — в результате взаимных адаптаций с закреплением программ самых успешных из них в геномах индивидуальных организмов, что позволяет воспроизводиться таксономическим единицам — видам и биоценотическим единицам — ценозам в относительной неизменности с относительной регулярностью, реагируя при этом на внутренние или внешние изменения. Весь этот огромный массив идей, вещей и отношений — искусственный мир, создаваемый человеком и составляющий его социальность и культуру, эволюционирует по другим принципам, нежели живой человек, а именно — эволюционирует как неживая природа.

В. В. Жерихин приводит следующие концепции биологической и небиологической эволюции: (1) обе эволюции необратимы и спонтанны, однако небиологическая эволюция может быть также вызвана внешними причинами; (2) биологическая эволюция невоспроизводима (уникальна), является индетерминистической, непредсказуемой, а небиологическая эволюция, напротив, «стереотипно воспроизводима при стандартных условиях, детерминистическая и предсказуемая, если задано исходное состояние системы и характеристики внешних воздействий» (Жерихин, 2003: 486).

Таким образом, производимые людьми вещи, идеи и отношения, являясь сначала исключительно продуктом жизнедеятельности нашего вида, в какой-то момент

времени, в результате «перепроизводства» и способности человека эффективно передавать их друг другу, становятся самостоятельной воспроизводимой системой, параллельной человеку, во многом «живущей своей жизнью» и эволюционирующей по типу эволюции неживых систем — т. е. детерминированно и воспроизводимо в стандартных условиях. Тогда как сам человек эволюционирует по типу эволюции живых систем — непредсказуемо. Одновременно производимые людьми вещи, идеи и отношения продолжают оставаться продуктом жизнедеятельности нашего вида и, соответственно, неразрывно связаны с эволюционной судьбой человека как живого существа.

Эволюция биоценоза протекает согласованно — на эволюцию каждого таксона³ и его адаптивных норм влияет свойственное ему сообщество живых существ. Дальнейшая эволюция самого человека зависит от того, как происходит взаимная адаптация его с живыми существами — членами биоценоза, в состав которого входит сегодня вся биосфера Земли. То есть не только другие члены биоты должны приспосабливаться к человеку, но и сам человек должен адаптироваться к ним, к их адаптациям. Однако человек сегодня сам приспосабливается не только и не столько к реальному своему биотическому окружению, сколько к тому неживому миру, который оживляется только поддержкой самого же человека.

Здесь возникает еще одна важная идея в отношении того, что считать живым. Одной способности к репродукции и активному распространению становится недостаточно для определения живого, поскольку эта способность «повисает в воздухе» без наличия других членов биоценоза и их взаимного приспособления (коадаптации) друг к другу. Учитывая это, человек становится во многом «неживым», когда игнорирует адаптацию к живому окружению (в силу его уничтожения самим же человеком), а пытается адаптироваться исключительно к собственному искусственному миру. Роботы, возможно, скоро получат способности для самостоятельного воспроизводства и активного распространения, но они будут оставаться искусственными и неживыми, пока они будут игнорировать коадаптацию к живым членам биоценозов и не будут включаться в конверсию биоценозов, если понимать под этим взаимозависимость всех членов биоценозов. Роботы в этой связи не смогут эволюционировать как живые существа. Так же, только обратным порядком, и человек, воспроизводя исключительно искусственные отношения между людьми (например, экономические), искусственные вещи и идеи, которые не согласуются в коадаптации с другим живыми существами биосферы, сам становится роботом — искусственным, неживым и теряет способность к воспроизводству и активному распространению.

В. В. Жерихин приходит к выводу о том, что «хотя есть возможность и необходимость рассматривать в едином ключе биологической эволюции развитие биоценологических систем как совокупностей живых организмов и их неживых производных, но нет возможности и необходимости точно так же рассматривать эволюцию биогеоценозов, поскольку они являются ландшафтными, т. е. географическими, а не биологическими по своей природе системами, и для них... необходим иной, синтетический язык описания» (там же: 486). Нам представляется в этой связи, что человек является аналогом не биоценоза, а биогеоценоза, поскольку некоторая часть произведенного человеком искусственного мира, а именно техника и вещи, произведенные из искусственных материалов, вторичные идеи и отношения, далеко ушедшие от природных образцов и потребностей или вообще не существующие

в природе, — наука, религии, искусство, экономика и т. д., становятся факторами физической среды и, точно так же как и биогеоценозы, не могут рассматриваться с точки зрения одной лишь биологии и нуждаются в ином синтетическом языке для описания их эволюции. В выработке этого нового языка, на наш взгляд, и состоит задача всех современных исследователей, желающих быть адекватными сегодняшнему дню.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, трудность определения эволюции человека заключается в трудности определения момента перехода от живого к неживому и момента смены эволюционных принципов. Человек как система включает переход от живого (включающего и продукты жизнедеятельности — культуру) к неживому и в этом плане становится моделью вселенной, в которой, так же, как и в человеке, живое незаметно и плавно переходит в неживое, и наоборот.

Неживые компоненты, производимые человеком и составляющие в совокупности огромную часть современной культуры, эволюционируют совершенно по другим законам, нежели биоценотические (т. е. живые в совокупности с непосредственно произведенными неживыми продуктами жизнедеятельности). Основой их эволюции является принципиальная воспроизводимость и предсказуемость траектории развития при заданных условиях. Именно поэтому можно и должно изучать, например, экономику и строить планы относительно технической и экономической модернизации. Но невозможно предугадать, как при этом изменится человек именно в его органической части даже в ближайшие 40 лет. Дело еще в том, что органическая эволюция не только непредсказуема по своим результатам, но и способна ускориться в период кризиса так, что видообразование занимает два-три поколения, а не миллионы лет. При развитии эволюционного кризиса мы можем в короткое время получить новый вид человека или другого существа, способного заменить его и дать новый виток развития всем живым существам на планете.

Мы можем сделать следующие выводы.

Социокультурный процесс — это производство человеком искусственного мира и последующее «саморазвитие» этого мира (социокультурная эволюция). Критериями искусственности служат: (1) критерий избыточности для прямого жизнеобеспечения; (2) критерий исключительно человеческой целесообразности; (3) критерий неспособности к самостоятельному воспроизводству и активному распространению без человека; (4) критерий включенности в конверсию биоценоза с точки зрения способности других членов биоценоза к равновесной коадаптации. Наиболее важно то, что искусственное относительно — искусственным оно является лишь до тех пор, пока другие члены биоты не включают его в «общее пользование» посредством коадаптаций.

Другими словами, определяющей является эволюция живого человека — непредсказуемая и нелинейная, но в нее вложена еще одна эволюция — эволюция вещей, идей и отношений, перепроизведенных человеком, — линейная и предсказуемая. Мы можем и должны изучать эту эволюцию вещей, идей и отношений для того, чтобы управлять ею и использовать данные знания на пользу человеку.

Приведем пример. Так, эволюция оружия породила и ядерную бомбу, и ядерный реактор. И то и другое, несомненно, достижения человека. Но их использование должно регулироваться человеком прежде всего потому, что применение

ядерной бомбы может привести человечество к гибели. Лучше бы уничтожить чертежи ядерной бомбы и забыть о ней навсегда, но это означает сознательную остановку эволюции оружия, что невозможно, поскольку оружие — это неотъемлемая часть человеческой биологической эволюции, оружие — это продукт жизнедеятельности человека — его, человека «экстрасоматический» (т. е. вынесенный за пределы тела) орган, и он эволюционирует вместе с человеком по типу биологической эволюции — непредсказуемо и нелинейно. Мы можем уничтожить чертежи ядерной бомбы, но через некоторое время ее изобретут снова, и к ней добавится также нейтронная бомба или еще что-то подобное. Таким образом, мы можем запретить дальнейшие разработки ядерного оружия и запретить использование имеющегося ядерного оружия, но эволюцию оружия в общем и целом нельзя остановить или окончательно направить по нужному человеку пути, поскольку в глубине своей это эволюция биологическая — нелинейная и непредсказуемая. Ядерный реактор также нуждается в постоянном надзоре со стороны человека, а ослабление этого надзора может привести (и уже не раз приводило) к печальным последствиям. Кроме того, полезный и не угрожающий человеку ядерный реактор — побочный продукт эволюции оружия, и он никогда не был бы придуман, если бы эволюция оружия была остановлена. Практически весь сегодняшний комфорт человечества, определяемый нами как прогресс, создан эволюцией оружия, и остановка этой эволюции будет означать регресс нашей зоны комфорта.

Общий вывод статьи: своеобразие эволюции человека заключается в непрерывном процессе создания искусственного (неживого) мира (куда входит создание искусственных вещей, идей и отношений, социальных систем, культуры в целом как таковой) живым человеком, при этом совершается переход от биологической к небιологической эволюции, но вместе с тем одновременно биологическая эволюция вида *Homo sapiens* продолжается, вещи, идеи и отношения, создаваемые человеком, являются продуктами его жизнедеятельности и эволюционируют вместе с ним.

Опасность на сегодняшний день представляет огромный объем неживого искусственного мира и связанная с этим невозможность контроля его эволюции со стороны человека, что, очевидно, превращает живого человека в неживого. Данные идеи будут развиты нами в следующих статьях.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ На самом деле эта цель тоже не совсем человеческая, поскольку само по себе выстраивание иерархии для структурирования популяции или другой жизнеобеспечивающей совокупности особей широко распространено в природе, но здесь мы упускаем этот момент из виду в силу ограниченности объема статьи. Отметим лишь, что, даже принимая во внимание биологичность этой цели, человек все-таки идет к ней по-своему.

² Ценоз (от греч. *κοινος* — «общий») в биологии — любое сообщество живых организмов. Этот термин чаще всего прилагают к биоценозу, различая в нем сообщество растений — фитоценоз, сообщество животных — зооценоз, сообщество микроорганизмов — микробоценоз. Биота (от греч. βίωτή — «жизнь») — исторически сложившаяся совокупность видов живых организмов, объединенных общей областью распространения в настоящее время или в прошедшие геологические эпохи.

³ Таксон (лат. *taxon*, мн. ч. *taxa*; от др.-греч. τάξις — «порядок, устройство, организация») — группа в классификации, состоящая из дискретных объектов, объединяемых на основании общих свойств и признаков

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Вернадский, В. И. (1926) Биосфера. Л. : Науч. химико-технол. изд-во. 147 с.
- Грант, В. (1991) Эволюционный процесс: Критический обзор эволюционной теории / пер. с англ. Н. О. Фоминой ; под ред. Б. М. Медникова. М. : Мир. 486 с.
- Гумилев, А. Н. (2011) О соотношении природы и общества согласно данным исторической географии и этнографии. М. : Книга по требованию. 36 с.
- Жерихин, В. В. (2003) Избранные труды по палеоэкологии и филогенетике М. : Т-во научных изданий КМК. 542 с.
- Луков, В. А. (2011) Биосоциология // Знание. Понимание. Умение. №3. С. 319–323.
- Луков, Вал. А. (2014) Биосоциология как теоретическая концепция // Гуманитарные ориентиры научного познания / отв. ред. П. Д. Тищенко. М. : Навигатор. 352 с. С. 275–286.
- Луков, В. А. (2018) Биосоциология молодежи как новая научная дисциплина [Электронный ресурс] // Горизонты гуманитарного знания. № 2. С. 3–16. URL: <http://journals.mosgu.ru/ggz/article/view/752> (дата обращения: 21.06.2021).
- Луман, Н. (2005) Gesellschaft der gesellschaft. Общество общества. Эволюция / пер. с нем. А. Антоновского ; под ред. О. Никифорова. М. : Логос. 256 с.
- Матурана, У., Варела, Ф. (2001) Древо познания: биологические корни человеческого понимания / пер. с англ. Ю. А. Данилова. М. : Прогресс-Традиция. 223 с.
- Моисеев, Н. Н. (1997) Коэволюция природы и общества. Пути ноосферогенеза [Электронный ресурс] // Эволюция и жизнь. № 2–3. URL: <http://www.ecolife.ru/journal/echo/1997-2-1.shtml> (дата обращения: 21.06.2021).
- Поршнева, Б. Ф. (2007) О начале человеческой истории (проблемы палеопсихологии). СПб. : Алетейя. 720 с.
- Степин, В. С. О философских основаниях синергетики [Электронный ресурс] // Сайт С. П. Курдюмова. URL: <http://spkurdyumov.ru/philosophy/o-filosofskix-osnovaniyax-sinergitiki-v-s-stepin/> (дата обращения: 21.06.2021).
- Степин, В. С. (2011) Цивилизация и культура. СПб. : СПбГУП. 407 с.
- Тощенко, Ж. Т. (2020) Общество травмы: между эволюцией и революцией (опыт теоретического и эмпирического анализа). М. : Весь мир. 352 с.
- Туринцева, Е. А., Решетникова, Е. В. (2015а) Методологические проблемы исследования биосоциальной реальности в аспекте теории самоорганизации // Социальные проблемы и безопасность российских регионов : материалы второго Байкальского научного симпозиума / под общ. ред. О. А. Кармадонова, В. А. Решетникова, С. А. Инкижиновой. Иркутск : Изд-во ИГУ. 289 с. С. 50–55.
- Туринцева, Е. А., Решетникова, Е. В. (2015б) Биосоциальные функции молодежи и их трансформация в условиях городского образа жизни в контексте социальной реабилитации // Знание. Понимание. Умение. № 1. С. 134–143.
- Туринцева, Е. А., Решетникова, Е. В. (2016) Биосоциальный человек и возможные направления антропосоциальной эволюции // Знание. Понимание. Умение. № 2. С. 86–100.
- Тюрюканов, А. Н., Федоров, В. М. (1996) Н. В. Тимофеев-Ресовский: биосферные раздумья. М. 368 с.
- Maturana, Humberto R. (1970) Biology of Cognition // BCL Report № 90. Urbana. University of Illinois, Department of Electrical Engineering, Biological Computer Laboratory. 27 p.

Дата поступления: 27.09.2021 г.

*THE PECULIARITY OF HUMAN EVOLUTION
IN THE BIOSOCIOCULTURAL DIMENSION*

*E. A. TURINTSEVA
IRKUTSK STATE UNIVERSITY*

The article is of discursive nature and it deals with the author's concept of human biosociocultural evolution. The correlation between biological and socio-cultural evolution is defined from

the viewpoint of man producing artificial world including the creation of man-made objects, ideas (thought images) and relations, culture in general.

The revealed criteria of the artificial world include a surplus of produce as compared to what is necessary for survival in nature (1), serving exclusively human needs (2), and the inclusion in the biocoenosis conversion in equal coadaptation (3).

The artificial world can be considered as a product of human activity, as “inanimate” due to its inability to reproduce and spread itself; also as man-made and “inanimate” to the extent that it is disjointed from other biocoenosis participants and does not correspond to the speed of their adaptations. The peculiarity of human evolution lies in the continuous process of living man creating artificial (inanimate) world. Thus, a transition is made from biological to non-biological evolution; at the same time, the biological evolution of our species continues — the objects, ideas, and relations created by man as products of their activity evolve as well.

Keywords: human evolution; sociocultural evolution; biosociology; artificial world; sociocultural process; sociocultural changes; youth; biosociology of youth; biosocial subject

REFERENCES

- Vernadskij, V. I. (1926) *Biosfera*. Leningrad, Scientific Chemical and Technological Publishing House. 147 p. (In Russ.).
- Grant, V. (1991) *Jevoljucionnyj process: Kritičeskij obzor jevoljucionnoj teorii* / transl. from English by N. O. Fomina; ed. by B. M. Mednikov. Moscow, Mir. 486 p. (In Russ.).
- Gumilev, L. N. (2011) *O sootnošenii prirody i obshhestva soglasno dannym istoričeskoj geografii i jetnografii*. Moscow, Kniga po trebovaniju. 36 p. (In Russ.).
- Zherihin, V. V. (2003) *Izbrannye trudy po paleoekologii i filocenogenetike*. Moscow, Association of Academic Publications KMK. 542 p. (In Russ.).
- Lukov, V. A. (2011) Biosociologija. *Znanie. Ponimanie. Umenie*, no. 3, pp. 319–323. (In Russ.).
- Lukov, Val. A. (2014) Biosociologija kak teoretičeskaja koncepcija. In: *Gumanitarnye orientiry nauchnogo poznanija* / ed. by P. D. Tishhenko. Moscow, Navigator. 352 p. Pp. 275–286. (In Russ.).
- Lukov, V. A. (2018) Biosociologija molodezhi kak novaja nauchnaja disciplina. *Gorizonty gumanitarnogo znaniya*, no. 2, pp. 3–16 [online] Available at: <http://journals.mosgu.ru/ggz/article/view/752> (accessed: 21.06.2021). (In Russ.).
- Luman, N. (2005) *Gesellschaft der gesellschaft. Obshhestvo obshhestva. Jevoljucija* / transl. from German by A. Antonovskij; ed. by O. Nikiforov. Moscow, Logos. 256 p. (In Russ.).
- Maturana, U. and Varela, F. (2001) *Drevo poznanija: biologičeskie korni čelovečeskogo ponimaniya* / transl. from English by Ju. A. Danilov. Moscow, Progress-Traditsiia. 223 p. (In Russ.).
- Moiseev, N. N. (1997) Kojevoljucija prirody i obshhestva. Puti noosferogeneza. *Jevoljucija i zbizn'*, no. 2–3 [online] Available at: <http://www.ecolife.ru/jornal/echo/1997-2-1.shtml> (accessed: 21.06.2021). (In Russ.).
- Porshnev, B. F. (2007) *O nachale čelovečeskoj istorii (problemy paleopsichologii)*. St. Petersburg, Aleteja. 720 p. (In Russ.).
- Stepin, V. S. O filofsokix osnovaniyah sinergetiki. *Sajt S. P. Kurdjumova* [online] Available at: <http://spkurdyumov.ru/philosophy/o-filosofskix-osnovaniyah-sinergetiki-v-s-stepin/> (accessed: 21.07.2021). (In Russ.).
- Stepin, V. S. (2011) *Civilizacija i kul'tura*. St. Petersburg, St. Petersburg Humanitarian University of Trade Unions. 407 p. (In Russ.).
- Toshhenko, Zh. T. (2020) *Obshhestvo travmy: mezhdū jevoljuciej i revoljuciej (opyt teoretičeskogo i jempiričeskogo analiza)*. Moscow, Ves' Mir. 352 p. (In Russ.).
- Turinceva, E. A. and Reshetnikova, E. V. (2015a) Metodologičeskie problemy issledovanija biosocial'noj real'nosti v aspekte teorii samoorganizacii. In: *Social'nye problemy i bezopasnost' rossijskix regionov: materials of the second Baikal Scientific Symposium* / ed. by O. A. Kar-

madonov, V. A. Reshetnikov and S. A. Inkizhinova. Irkutsk, Irkutsk State Univ. 289 p. Pp. 50–55. (In Russ.).

Turinceva, E. A. and Reshetnikova, E. V. (2015b) Biosocial'nye funkicii molodezhi i ih transformacija v uslovijah gorodskogo obraza zhizni v kontekste social'noj reabilitacii. *Znanie. Poni-manie. Umenie*, no. 1, pp. 134–143. DOI: 10.17805/zpu.2015.1.12 (In Russ.).

Turinceva, E. A. and Reshetnikova, E. V. (2016) Biosocial'nyj chelovek i vozmozhnye naprav-lenija antroposocial'noj jevoljucii. *Znanie. Poni-manie. Umenie*, no. 2, pp. 86–100. DOI: <http://dx.doi.org/10.17805/zpu.2016.2.8> (In Russ.).

Tjurjukanov, A. N. and Fedorov, V. M. (1996) N. V. *Timofeev-Resovskij: biosfernye razdum'ja*. Moscow. 368 p. (In Russ.).

Maturana, Humberto R. (1970) Biology of Cognition. In: *BCL Report*, no. 90. Urbana. Uni-versity of Illinois, Department of Electrical Engineering, Biological Computer Laboratory. 27 p.

Submission date: 27.09.2021.

Туринцева Елена Анатольевна — кандидат социологических наук, доцент кафедры соци-альной работы Иркутского государственного университета. Адрес: 664009, Россия, г. Ир-кутск, ул. Карла Маркса, д. 1, к. 302. Тел.: +7 (3952) 200-205, +7(3952) 243-372. Эл. адрес: e_turin05@mail.ru

Turintseva Elena Anatolyevna, Candidate of Sociology, Associate Professor, Department of Social Work, Irkutsk State University. Postal address: 1, Rm. 302, Karla Marksa St., Irkutsk, Russian Federation, 664009. Tel.: +7 (3952) 200-205, +7 (3952) 243-372. E-mail: e_turin05@mail.ru

DOI: 10.17805/zpu.2021.4.5

«Поздний капитализм» и «цифровой капитализм». К вопросу о пересечении понятий

Н. Б. АФАНАСОВ

ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ РАН

В статье исследуются понятия «поздний капитализм» и «цифровой капитализм», а так-же их исторический генезис. Имеет смысл говорить по меньшей мере о двух истоках по-нятия «поздний капитализм» — за авторством Вернера Зомбарта и Эрнста Мандела. Ис-следование предлагает резюме основных положений теорий двух философов и акцен-тирует внимание на том, что актуальное использование этого термина сильно отличается от его принятого понимания в XX столетии. Современный «поздний капитализм» часто становится пустым понятием, которое употребляется всякий раз, когда нечто капитали-стическое представляется внутренне противоречивым.

Во второй части статьи предлагается критический взгляд на феномен осмысления со-временности при помощи понятия «цифровой капитализм». Автор полагает, что работа с этим концептом схожа с тем, как использовался термин «поздний капитализм». В за-ключение автор в критическом ключе дает оценку содержанию этих двух понятий. Статья показывает, что их актуальное использование часто приводит лишь к еще большей пута-нице. На терминологическом уровне оказывается, что предложенное более 100 лет на-зад понятие «поздний капитализм» остается наиболее удачной формулой. В свою оче-